

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА ВКП(б) В 1930-х – НАЧАЛЕ 1950-х гг.: ВЫБОР ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ¹

Аннотация.

Актуальность и цели. Актуальность исследования определяется драматизмом социального восприятия исторического наследия сталинизма и противоречивостью становления организационно-хозяйственных форм рыночной экономики в России на рубеже XX–XXI вв., что объясняет устойчивый интерес к изучению содержания и результатов радикального изменения хозяйственного уклада в российской деревне в 1930-е – 1950-е гг. Цель исследования – систематизация и анализ объяснительных моделей отечественной исторической науки, характеризующих ключевые моменты аграрной политики большевиков в условиях ускоренной индустриализации в СССР.

Материалы и методы. В статье анализируются работы современных историков, посвященные изучению аграрной политики большевиков. Методология исследования построена на принципах системного подхода к рассмотрению вопросов истории советского общества.

Результаты. В конце XX – начале XXI в. в научный оборот были введены массивы не публиковавшихся ранее исторических источников, что способствовало расширению научных поисков в деле изучения аграрной политики, хозяйства и практик социального взаимодействия в советской деревне в 1930-х – начале 1950-х гг. Появляются десятки работ обобщающего характера. Но целостной непротиворечивой объяснительной модели пока еще не создано.

Выводы. Ведущими объяснительными моделями (стратегиями) современной историографии выступают разработка вопросов формирования политико-экономической системы сталинизма; изучение «квазисоциальной истории села»; анализ социального взаимодействия, коммуникативных практик, механизмов конструирования новой идентичности посредством большевистской пропаганды; изучение коллективизации в структуре более глобальных социальных процессов. Весьма перспективными направлениями исследования представляются следующие: характеристика социальной природы сталинизма, его обусловленности почвеннической патерналистской составляющей крестьянского сознания; изучение практик социально-политического взаимодействия, где крестьянство играет роль активного самоорганизующегося начала, субъекта конструирования новой политической реальности; анализ динамики повседневных социальных практик, психологии и сознания советской деревни в 1930-е гг., в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период.

Ключевые слова: современная историография, коллективизация, СССР, 1930-е – начало 1950-х гг., концепции изучения аграрной политики, историографический анализ.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 18-09-00125\18) «Хозяйство и практики социального взаимодействия в советской деревне в контексте мобилизационной экономики СССР в 1930-е – начале 1950-х гг.».

© 2018 Сухова О. А. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

**THE AGRARIAN POLICY OF THE AUCP(b)
IN THE 1930s – EARLY 1950s:
CHOOSING A HISTORIOGRAPHICAL MODEL**

Abstract.

Background. The topicality of the study is determined by the social perception of the dramatic nature of the historical legacy of Stalinism and the contradictory nature of the organizational and economic forms establishment in the market economy in Russia at the turn of the 20th and 21st centuries, that explain the constant interest in studying the content and results of the radical change in the Russian village economic structure in the 1930s – 1950s. The aim of the research is systematization and analysis of Russian historical explanatory models that characterize the key moments of the Bolsheviks' agrarian policy in the conditions of accelerated industrialization in the USSR.

Materials and methods. The article analyzes the works of contemporary historians devoted to the study of the Bolsheviks' agrarian policy. The methodology of the study is based on the principles of the systematic approach to considering the history of the Soviet society.

Results. In the late XX – early XXI centuries the arrays of unpublished historical sources were introduced into scientific circulation, that were promoting the expansion of scientific searching in the study of agrarian policy, economy and social interaction practices in the soviet village since 1930s till early 1950s. Dozens of works of a generalizing nature were appearing. But a holistic, consistent explanatory model has not been created yet.

Conclusions. The leading explanatory models (strategies) of modern historiography are the development of questions on the formation of the political and economic system of Stalinism; the study of “quasi-social history of the village”; the analysis of social interaction, communication practices, mechanisms of the new identity construction through Bolshevik propaganda; the study of collectivization in the structure of more global social processes. Very promising research ways are the characteristic of the social nature of Stalinism, its conditionality by the soil paternalistic component of the peasant consciousness; the study of socio-political interaction practices, where the peasantry plays the role of an active self-organizing principle, a subject of new political reality construction; the analysis of the dynamics of everyday social practices, psychology and the Soviet village consciousness in the 1930s, during the great Patriotic war and in the postwar period.

Key words: modern historiography, collectivization, the USSR, 1930s – early 1950s, concept of studying agrarian policy, historiographic analysis.

Необходимость разработки теоретической модели, позволяющей адекватно оценить содержание и результаты коренного преобразования аграрного строя, беспрецедентного по своим масштабам и глубине цивилизационных сдвигов в национальной истории, имеет на сегодняшний день первостепенное значение. Сформировавшийся в исторической науке запрос определяется равно драматизмом социального восприятия исторического наследия сталинизма и противоречивостью становления организационно-хозяйственных форм рыночной экономики в России на рубеже XX–XXI вв. Добавляет остроту историографической ситуации наличие диаметрально противоположных оценок: историков, изучавших и изучающих политику коллективизации

в СССР, объединяет, пожалуй, лишь признание равнозначности по своим последствиям аграрных реформ 1930-х и революции 1917 г. [1, с. 291]. Ключевые мифологемы советской историографии 1930-х гг. об освобождении крестьянства от «жесточайшей эксплуатации кулака» и «бешенного сопротивления кулачества вплоть до применения террора», о массовой поддержке крестьянством мероприятий советской власти в деревне, закрепленные Кратким курсом истории ВКП(б), несколько потускнев и лишившись ярко выраженной экспрессивной окраски, сохранили свои позиции вплоть до середины 1980-х гг. Новации последующих десятилетий не выходили за означенные рамки и концентрировались на поиске доказательств преимуществ советской аграрной политики, а также уточнения периодизации реконструкции сельского хозяйства. Общую канву сложной, но, безусловно, прогрессивной модели преобразований не нарушали выводы ряда исследователей (В. П. Данилов, Н. А. Ивницкий) о насильственных методах осуществления преобразований, ответственность за применение которых авторы делили между центральным и местным аппаратом управления [2, с. 61–63].

Современный этап развития российской историографии изучения советского крестьянства в 1930-х – начале 1950-х гг. охватывает период с начала 1990-х гг. и по настоящее время, что объясняется формированием определенной научной парадигмы, доминирующей в исследовательской практике и по сей день. Мерилом научных построений выступает концепция, заложенная еще в трудах В. П. Данилова, Н. А. Ивницкого, И. Е. Зеленина и рассматривающая аграрную историю одного из циклов российской модернизации в координатах тотального вторжения государства в повседневную жизнь советской деревни, разрушившего основы крестьянской культуры, соизмеримого, пожалуй, с понятием геноцида по отношению к собственному народу [3, с. 228–254; 4]. Такой подход в условиях приобщения российских авторов к теоретическому наследию зарубежного крестьяноведения продуцирует соответствующие предметные области деревенских историй, связанные с поиском аргументации для доказательства провальной (кризисной) неэффективности и альтернативных стратегий экономической политики, описанием практик крестьянского сопротивления государственному насилию. Вместе с тем нельзя не отметить постепенной эволюции сюжетов, оценок и мнений. Это отчетливо проявилось в ходе работы теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития», пятнадцать заседаний которого прошли под руководством В. П. Данилова и Т. Шанина в 1992–2000 гг. Если первые заседания акцентировали внимание исследователей на необходимости дефиниции категории крестьянства (в контексте «моральной экономики» и т.д.), затем дискурс рассматриваемой проблематики сместился в плоскость обсуждения альтернатив советского аграрного развития на рубеже 1920-х – 1930-х гг. В публикуемых материалах по обсуждению монографии Г. Хантера, Я. Ширмера «Негодные основы. Советская экономическая политика. 1928–1940» (Принстон, 1992) политика большевиков по «принудительной организации крестьян в колхозы» была названа самым разрушительным фактором в советской аграрной истории, препятствовавшим, а не способствовавшим индустриальному росту страны. Взяв за основу экономико-математическую модель советского сельского хозяйства без коллективизации, авторы уверенно доказывают большую продуктивность производства и существ-

венно более высокий уровень жизни [5, с. 163–198]. В последующие годы приходит понимание необходимости пересмотра не только аграрной истории, но и социальной истории России вообще. Предваряя этими словами начало работы последнего семинара, В. П. Данилов отметил, что исходным моментом революционных перемен в стране в начале XX в. выступает крестьянская революция [5, с. 694]. Находит поддержку представление о многопричинности аграрного кризиса и голода в СССР в начале 1930-х гг. [5, с. 643].

В контексте планируемого исследования представляется важным остановиться на концепции М. Левина. Обсуждение его монографии «Российские крестьяне и Советская власть. Исследование коллективизации» (Нью-Йорк; Лондон, 1975) состоялось на четвертом заседании теоретического семинара в 1993 г. В рамках развернувшейся дискуссии М. Левин при анализе коренного перелома в советской экономической политике предложил исходить из тесно связанных друг с другом явлений «архаизации» общественно-государственного строя и «этатизации» советского сельского хозяйства. Термины «феодализм» и «барщина», по его мнению, не соответствовали сложившейся практике, хотя бы по причине высокой социальной мобильности. Однако именно ситуация в деревне послужила основой для введения подневольного лагерного труда в экономике в целом. С другой стороны, не стоит игнорировать и мощнейшее по своей силе воздействие на власть «снизу». «Крестьянство ушло в историю, но это как раз то прошлое, которое очень мощно влияет (чтобы не сказать “давит”) на настоящее – через культуру, через тип личности и социальную психологию советских людей, – отметил М. Левин. – Например, когда я писал о таком свойстве истории России, как “аграрный деспотизм”, я отнюдь не имел в виду, что крестьянство напрямую диктовало властям направления и формы осуществления политики (хотя бывало и такое). Просто будучи тем, чем они были, крестьяне своей культурой, производительностью и т.п. создавали для режима некую структурную решетку со всеми вытекающими отсюда задачами и препонами» [5, с. 287–289, 311].

Подобные оценки советского прошлого получили дальнейшее развитие в трудах В. В. Бабашкина. Так, проведенный автором контент-анализ огромного массива крестьянских писем в журнал «Крестьянка» и «Крестьянская газета» в 1923–1924 гг. позволил выявить «государственно-централистскую» направленность крестьянского сознания, ориентированного на помощь сверху, а не на собственные силы. Иллюзорные перспективы возможного переустройства советской деревни государству подсказало само крестьянство, транслируя свои предпочтения посредством селькоровского движения (скажем, идея трансформации крестьян в рабочих). Реалии коллективизации во многом оказались неожиданными как для крестьянской деревни, так и для большевистского руководства: «Обе стороны вынуждены были прибегать к весьма разнообразным стратегиям приспособления к колхозной реальности. И эти стратегии заслуживают отдельного и очень тщательного исследования для лучшего понимания, как и за счет чего осуществлялась реальная, а не потенциально возможная модернизация» [6, с. 81; 7, с. 42].

Акцент на насильственных методах проведения коллективизации, на превентивном характере раскулачивания как направления политики по отношению к курсу сплошного колхозного строительства сохранился в фундаментальной монографии И. Е. Зеленина [8].

Определенный срез достижений современной историографии политики коллективизации представлен в работе Н. Л. Рогалиной. Приоритетным в понимании процесса, по мнению автора, является спонтанный характер преобразований, возникших стихийно из политических практик, связанных с хлебозаготовительным кризисом, форсированием индустриализации, с утверждением режима личной власти И. В. Сталина. Раскулачивание, разжигание классовой войны в деревне и последующее широкомасштабное социалистическое строительство стали для руководства в первую очередь инструментом кризисного управления, но отнюдь не способом развития аграрного сектора экономики и повышения качества жизни в СССР [9, с. 186].

Некая полярность суждений, присутствующая в работах рубежа XX–XXI вв., свидетельствует о постепенной кристаллизации ряда направлений в отечественной историографии. В контексте ключевой проблемы аграрной истории СССР – коллективизации – Н. Г. Кедров выявил формирование четырех обособленных исследовательских стратегий. Первая и самая масштабная по количеству авторов и работ представлена разработкой конкретно-исторических исследований в рамках парадигмы, сформировавшейся в 1990-е гг. (В. А. Ильиных, С. А. Есиков, В. В. Кондрашин, Т. Д. Надькин) [10, с. 14]. На наш взгляд, более точным критерием интеграции выступает разработка вопросов формирования политико-экономической системы сталинизма. В частности, в рамках проекта «История сталинизма» В. В. Кондрашин опубликовал ряд монографий, в том числе о хлебозаготовительной политике в годы первой пятилетки. Особенности и последствия национальной трагедии – голода 1932–1933 гг. – автор исследует, выделяя в качестве основной причины практику хлебозаготовок. Особый драматизм ситуации в стране добавили проблемы, возникшие в аграрном секторе, и коллективизация пошла не по тому сценарию, что задумывали ее инициаторы. Мерилом социальных издержек послужили историческое наследие и природа утвердившегося сталинского режима [11, 12]. В этом же русле выдержана монография, посвященная истории создания политотделов МТС в 1933–1934 гг. Как отмечает автор, слабость административного ресурса напех созданной системы, ставшая столь очевидной в условиях голодовки и угрожавшая тотальным экономическим коллапсом, потребовала введения карательных мер в отношении «организаторов расхищения общественной собственности и саботажа мероприятий партии и правительства» [13, с. 49]. Роль кризисного управляющего, стабилизатора колхозной системы в сложный для страны период выполнили политотделы МТС, сформированные из кадрового корпуса ОГПУ и наделенные чрезвычайными полномочиями [13, с. 280, 281].

Вторая стратегия выражена попытками создания работ по «квазисоциальной истории села» (С. И. Савельев, Г. Ф. Доброноженко, В. А. Бондарев). Создание конкретно-исторических исследований, заметно меняющих предметное поле рассматриваемой проблемы, привносит в него теоретические новации современности, в частности крестьянство рассматривается как актор социальной действительности, а не пассивный объект государственного диктата: изучение системы управления деревней (М. Н. Глумная); самоорганизация крестьянского сообщества (Т. В. Еферица) и т.д. [10, с. 14].

Собственные работы, посвященные анализу социального взаимодействия, коммуникативных практик, механизмов конструирования новой иден-

точности посредством большевистской пропаганды, Н. Г. Кедров отнес к третьей исследовательской стратегии. Советская политическая пропаганда характеризуется автором не только как инструмент подчинения, включения крестьянства в социальный и культурный проект, но и как презентация доступных и санкционированных властями стратегий поведения в новой, непривычной ситуации, в том числе и для освобождения от традиционных этических запретов, в целях борьбы за выживание, сведения счетов, решения конкретных повседневных проблем, а также как определенный «символ веры», столь необходимый в процессе формирования гражданской идентичности [14, с. 248, 249].

И, наконец, четвертая стратегия предполагает встраивание концепции коллективизации в структуру более глобальных социальных процессов (вариативность трактовок эволюции аграрного строя России в XX в. представлена в исследованиях двух научных школ: новосибирской (В. А. Ильиных) и вологодской (М. А. Безнин, Т. М. Димони)) [10, с. 14].

Предложенное деление на обособленные стратегии довольно условно. Так, М. А. Безнин, Т. М. Димони, заявив о новом подходе к экономической истории российской колхозно-совхозной деревни и отмечая капиталистичность ее экономического механизма, повинностный характер производственных отношений первого колхозного 25-летия, многоукладность и товаризацию сельского хозяйства на протяжении 1930-х – 1980-х гг., предложили глобальную концепцию истории советской деревни, окончательно перешедшей к модернизационной индустриальной ступени своего развития в середине 1960-х гг. С тем же успехом исследования этих авторов можно отнести и ко второй стратегии. Они последовательно разрабатывают новую социальную историю, выделив пять основных социальных групп сельского населения: протобуржуазию, менеджеров, интеллектуалов, трудовую аристократию, сельских полупролетариат и пролетариат [15]. Особое внимание исследователи уделяют изучению повинностей советского крестьянства, принимая тезис о феодализации производственных отношений. По словам М. А. Безнина и Т. М. Димони, «оброки» – госпоставки – были отменены в СССР лишь в 1958 г., а «барщина» продолжала существовать вплоть до конца 1960-х гг. [16]. К аналогичным выводам приходит и В. А. Бондарев, определяя колхозное крестьянство в 1930-е – 1950-е гг. как «тяглого-податное сословие (или по крайней мере квазисословие) сталинского государства» [17, с. 50].

Отметим, что в современной историографии хронологическая целостность сталинской аграрной политики в рамках 1930-х – начала 1950-х гг. представлена фактом, не требующим дополнительных доказательств. В частности, В. А. Ильиных категории внеэкономического принуждения, применяемого в качестве основного способа изъятия земельной ренты, и рефеодализации системы налогообложения деревни, заключавшейся в возвращении к сословности обложения, натуральным и отработочным его формам, четко фиксирует применительно ко всему периоду 1930-х – середины 1950-х гг. Примечательно, что автор весьма скептически оценивает результативность пропаганды и репрезентаций официальной культуры в эту эпоху: «Для большинства крестьян прикосновение к официальной культуре заключалось в хождении на “торжественные” собрания в сельский клуб и слушании безграмотных речей записных советских пропагандистов». Общими тенденциями аг-

рарного развития России, особенно отчетливо проявившимися уже в после- сталинский период, по мнению В. А. Ильиных, становятся огосударствление аграрного строя страны и деградация многовековых общинных традиций. Окончательная трансформация крестьянства в государственных сельскохозяйственных наемных рабочих, упадок общинного менталитета и традиционной культуры происходят в 1970-е гг. [18, с. 133, 136, 138–140].

Стремительная революция сверху, а именно так В. А. Ильиных характеризует коллективизацию, спровоцировала радикальную трансформацию аграрного строя страны. Уже во второй половине 1931 г., по мнению автора, экономика сельскохозяйственных районов СССР «в целом перестала быть крестьянской, а крестьянское хозяйство – ее базовой производственной ячейкой» [19, с. 625].

В рамках концепции «аграрного перехода» Г. Е. Корнилов изложил несколько иное видение модернизационных процессов в истории российского села. Предложенная им периодизация агроперехода охватывает три фазы: 1-я – конец XIX – середину XX в., 2-я – середину XX в. – конец 1980-х гг.; 3-я – начало 1990-х – начало 2000-х гг. Специфические черты и длительность первой фазы объясняются затяжным и экстремальным характером трансформаций в эпоху войн и революций, возвратной динамикой к архаичным стратегиям выживания. Как можно заметить, автор дистанцируется от политизированных трактовок и приоритетов, включая в структуру агроперехода экономическую, демографическую, политическую, культурную, социальную, правовую трансформации. Системный подход и равновесное положение элементов позволили Г. Е. Корнилову разработать оригинальную модель социокультурной истории советской деревни [20].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что два десятилетия научных поисков способствовали существенному приросту нового знания в вопросах изучения аграрной политики, хозяйства и практик социального взаимодействия в советской деревне, но задача разработки целостной непротиворечивой объяснительной модели, равномерно отражающей процессы на отдельных временных отрезках 1930-х – начала 1950-х гг., пока также далека от своего завершения, как и в начале этого пути. В частности, осталась на периферии исследовательского интереса проблема социальной природы сталинизма, его обусловленности почвеннической патерналистской составляющей крестьянского сознания. Только обозначены едва заметные горизонты изучения практик социально-политического взаимодействия, где крестьянству отведена роль не жертвенного агнца, но активного самоорганизующегося начала, субъекта конструирования новой политической реальности. Практически отсутствуют труды обобщающего порядка, в которых изучались бы социальная динамика и особенности развития крестьянского хозяйства, повседневности, психологии и сознания советской деревни в 1930-е гг., в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период.

Библиографический список

1. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. – М. : Писатель, 1997. – 352 с.
2. **Мельникова, Т. А.** Историография аграрной политики СССР 30-х гг. / Т. А. Мельникова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2009. – № 2. – С. 61–71.

3. **Данилов, В. П.** Коллективизация: как это было / В. П. Данилов // Страницы истории советского общества: Факты, проблемы, люди. – М. : Политиздат, 1989. – 447 с.
4. **Ивницкий, Н. А.** Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов) / Н. А. Ивницкий. – М. : Магистр, 1996. – 285 с.
5. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. – М. : Политическая энциклопедия, 2015. – 743 с.
6. **Бабашкин, В. В.** Коллективизация крестьянского хозяйства как отечественный вариант модернизации аграрных обществ / В. В. Бабашкин // Гуманитарные науки в Сибири. – 2009. – № 2. – С. 78–82.
7. **Бабашкин, В. В.** К вопросу об «аграрном деспотизме» / В. В. Бабашкин // Сталинизм и крестьянство : сб. науч. ст. и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» / под ред. П. П. Марчени, С. Ю. Разина. – М. : Изд-во Ипполитова, 2014. – С. 38–48.
8. **Зеленин, И. Е.** Сталинская «революция сверху» после «великого перелома» 1930–1939: политика, осуществление, результаты / И. Е. Зеленин. – М. : Наука, 2006. – 315 с.
9. **Рогалина, Н. Л.** Коллективизация в свете новых документальных публикаций и современной историографии / Н. Л. Рогалина // XX век и сельская Россия. – Токио, 2012. – Вып. 2. – С. 186–231.
10. **Кедров, Н. Г.** Российская историография коллективизации крестьянства: проблемы изучения / Н. Г. Кедров // Вестник Вологодского государственного университета. Сер.: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. – 2017. – № 1 (4). – С. 12–16.
11. **Кондрашин, В. В.** Голод 1932–1933 годов. Трагедия российской деревни / В. В. Кондрашин. – М. : РОССПЭН, 2008. – 519 с.
12. **Кондрашин, В. В.** Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933) / В. В. Кондрашин. – М. : РОССПЭН, 2014. – 353 с.
13. **Кондрашин, В. В.** Политотделы МТС в 1933–1934 гг. / В. В. Кондрашин, О. Б. Мозохин. – М. : Русская книга, 2017. – 304 с.
14. **Кедров, Н. Г.** Лапти сталинизма. Политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы / Н. Г. Кедров. – М. : Политическая энциклопедия, 2013. – 280 с.
15. **Безнин, М. А.** Протобуржуазия в сельском хозяйстве России 1930–1980-х годов (новый подход к социальной истории российской деревни) / М. А. Безнин, Т. М. Димони. – Вологда : Легия, 2008. – 56 с.
16. **Безнин, М. А.** Повинности российских колхозников в 1930–1960-е годы / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Российская история. – 2002. – № 2. – С. 96–111.
17. **Бондарев, В. А.** О квазисословном статусе колхозного крестьянства «сталинской» эпохи (1930-е – начало 1950-х годов) / В. А. Бондарев // Сталинизм и крестьянство : сб. науч. ст. и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» / под ред. П. П. Марчени, С. Ю. Разина. – М. : Изд-во Ипполитова, 2014. – С. 49–58.
18. **Ильиных, В. А.** Раскрестьянивание сибирской деревни в советский период: основные тенденции и этапы / В. А. Ильиных // Российская история. – 2012. – № 1. – С. 130–141.
19. **Ильиных, В. А.** Аграрный строй Сибири в XX веке: этапы трансформации / В. А. Ильиных // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год: Типология и особенности регионального аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI. – М. ; Брянск : РИО БГУ, 2012. – С. 620–629.
20. **Корнилов, Г. Е.** Аграрная модернизация России в XX веке / Г. Е. Корнилов // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год: Типология и осо-

бенности регионального аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI. – М. ; Брянск : РИО БГУ, 2012. – С. 607–620.

References

1. *Istoriya Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy partii (bol'shevikov). Kratkiy kurs* [Proceedings of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). A brief course]. Moscow: Pisatel', 1997, 352 p.
2. Mel'nikova T. A. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and socioeducational thought]. 2009, no. 2, pp. 61–71.
3. Danilov V. P. *Stranitsy istorii sovetskogo obshchestva: Fakty, problemy, lyudi* [Pages of the history of the Soviet society: Facts, problems, people]. Moscow: Politizdat, 1989, 447 p.
4. Ivitskiy N. A. *Kollektivizatsiya i raskulachivanie (nachalo 30-kh godov)* [Collectivization and dispossession of the kulaks (early 1920s)]. Moscow: Magistr, 1996, 285 p.
5. *Sovremennoe krest'yanovedenie i agrarnaya istoriya Rossii v XX veke* [Modern studies of peasantry and the agrarian history of Russia in the XX century]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2015, 743 p.
6. Babashkin V. V. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia]. 2009, no. 2, pp. 78–82.
7. Babashkin V. V. *Stalinizm i krest'yanstvo: sb. nauch. st. i materialov kruglykh stolov i zasedaniy teoreticheskogo seminarina «Krest'yanskiy vopros v otechestvennoy i mirovoy istorii»* [Stalinism and the peasantry: collected articles and materials of round tables and sessions of the theoretical seminar “The peasantry issue in the Russian and world history”]. Moscow: Izd-vo Ippolitova, 2014, pp. 38–48.
8. Zelenin I. E. *Stalinskaya «revolyutsiya sverkhu» posle «velikogo pereloma» 1930–1939: politika, osushchestvlenie, rezul'taty* [Stalin’s “revolution from the top” after “the great break” 1930–1939: policy, implementation, results]. Moscow: Nauka, 2006, 315 p.
9. Rogalina N. L. *XX vek i sel'skaya Rossiya* [The XX century and a rural Russia]. Tokio, 2012, iss. 2, pp. 186–231.
10. Kedrov N. G. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye, obshchestvennye, pedagogicheskie nauki* [Bulletin of Vologda State University. Series: Humanities, social, pedagogical sciences]. 2017, no. 1 (4), pp. 12–16.
11. Kondrashin V. V. *Golod 1932–1933 godov. Tragediya rossiyskoy derevni* [The famine of 1932–1933. A tragedy of the Russian village]. Moscow: ROSSPEN, 2008, 519 p.
12. Kondrashin V. V. *Khlebozagotovitel'naya politika v gody pervoy pyatiletki i ee rezul'taty (1929–1933)* [The bread procurement policy during the first five-year plan and its results (1929–1933)]. Moscow: ROSSPEN, 2014, 353 p.
13. Kondrashin V. V., Mozokhin O. B. *Politotdely MTS v 1933–1934 gg.* [Political departments of machine and tractor stations in 1933–1934]. Moscow: Russkaya kniga, 2017, 304 p.
14. Kedrov N. G. *Lapti stalinizma. Politicheskoe soznanie krest'yanstva Russkogo Severa v 1930-e gody* [Bast shoes of Stalinism. Political consciousness of the peasantry of the Russian North in 1930s]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2013, 280 p.
15. Beznin M. A., Dimoni T. M. *Protoburzhuaziya v sel'skom khozyaystve Rossii 1930–1980-kh godov (novyy podkhod k sotsial'noy istorii rossiyskoy derevni)* [Protobourgeoisie in the agriculture of Russia in 1930–1980 (a new approach to the social history of the Russian village)]. Vologda: Legiya, 2008, 56 p.
16. Beznin M. A., Dimoni T. M. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history]. 2002, no. 2, pp. 96–111.
17. Bondarev V. A. *Stalinizm i krest'yanstvo: sb. nauch. st. i materialov kruglykh stolov i zasedaniy teoreticheskogo seminarina «Krest'yanskiy vopros v otechestvennoy i mirovoy*

- istorii*» [Stalinism and the peasantry: collected articles and materials of round tables and sessions of the theoretical seminar “The peasantry issue in the Russian and world history”]. Moscow: Izd-vo Ippolitova, 2014, pp. 49–58.
18. Il'inykh V. A. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history]. 2012, no. 1, pp. 130–141.
19. Il'inykh V. A. *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy. 2012 god: Tipologiya i osobennosti regional'nogo agrarnogo razvitiya Rossii i Vostochnoy Evropy X–XXI* [Yearbook of agrarian history of Eastern Europe. 2012: Typology and features of the regional agrarian development of Russia and Eastern Europe in the X–XXI centuries]. Moscow; Bryansk: RIO BGU, 2012, pp. 620–629.
20. Kornilov G. E. *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy. 2012 god: Tipologiya i osobennosti regional'nogo agrarnogo razvitiya Rossii i Vostochnoy Evropy X–XXI* [Yearbook of agrarian history of Eastern Europe. 2012: Typology and features of the regional agrarian development of Russia and Eastern Europe in the X–XXI centuries]. Moscow; Bryansk: RIO BGU, 2012, pp. 607–620.

Сухова Ольга Александровна

доктор исторических наук, профессор,
декан историко-филологического
факультета, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: savtemp@yandex.ru

Sukhova Ol'ga Aleksandrovna

Doctor of historical sciences, professor,
dean of the Faculty of History, Languages
and Literature, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 93/99 (093.32)

Сухова, О. А.

Аграрная политика ВКП(б) в 1930-х – начале 1950-х гг.: выбор историографической модели / О. А. Сухова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2018. – № 3 (47). – С. 52–61. – DOI 10.21685/2072-3024-2018-3-6.